

Николай Дронт

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д75

Серия «Попаданец»
Выпуск 100

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Дронт, Николай

Д75 Брат: роман / Николай Дронт. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-48556-5

Казалось бы, сюжет предсказуем — «попаданец» в собственное прошлое начинает искать клады и понемногу перестраивать мир по своему усмотрению. Знание будущего дарит неисчерпаемые возможности. Трагедия СССР не дает ему покоя. Но Сергей уверен, что сможет изменить судьбу страны — и в его успех хочется верить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-48556-5

© Николай Дронт, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Шизофрения

Брат

Когда всё началось, точно не помню, даже год. Но ещё перед школой, зимой. Мы тогда жили в бревенчатом двухэтажном доме, в коммунальной квартире. Почти центр Москвы, 2-й Спасский тупик. Раз тупик, то туда не заезжали автомобили. А коли не заезжали, то от высокого каменного забора почти до середины тупика насыпали и раскатали снежную горку. Окрестные детишки катались с неё, кто на чём мог. Я, понятно, тоже. До сих пор помню — лежу на санках, физиономией вперёд, как положено космонавту в ракете. Ребята во дворе почему-то считали, что Гагарин именно так летает в космос. Друзья меня, изо всех своих невеликих сил, толкают вниз. Лечу, аж дух захватывает. И тут к нам под кирпич заворачивает грузовик...

Да... Были бы современные санки с задним поручнем для спины, может, и не было бы рассказа. А так, сам не знаю как, сполз с санок, они уехали вперёд, я лечу за ними, пытаюсь тормозить. В общем, санки раньше, я чуть позже, аккуратно промеж колёс вписались. Но водитель тоже тормозил. Детей давить, видать, не собирался.

Помню, вылезаю из-под колёс, реву, хоть вроде уже большим считаюсь. Шапки нет, голова в крови,

о какую-то железяку днища разбил. Но реву не из-за боли. Раздавленные санки под задним колесом лежат. Жалко мне их, спасу нет.

Что случилось потом, не помню. По рассказам, девчонка, что передо мной ехала, проскочила, а парень, который после, успел отвернуть, один я под машиной оказался. Если бы с санок не сполз, не понятно, чем бы дело кончилось, а так только в больницу, с сотрясением мозга, попал. И шофёра родители чуть не убили.

Ну, случилось и случилось, со временем наезд не то что забылся, просто вспоминать повода не было. И не вспоминали до второй четверти моего четвёртого класса, вот тогда с моим братом Славиком случилось несчастье.

Соседка по коммуналке, старушка, бывшая дворянка, сочла своим долгом мне, тогда ещё дошкольнику, всю правду про мою мать рассказать. Самое главное рассказала — про то, что у брата Славы другой отец, а моя родительница уголовница, которой место в тюрьме.

После войны мама, семнадцатилетняя девчонка, работала на хлебозаводе в Сокольниках. Не знаю подробно, как и что, но обнаружили хищения, надо было кому-то сесть. Уговорили её, как самую молодую, взять на себя вину. Объяснили — несовершеннолетняя, много не дадут. А уж ей и передачи будут, и плащ-пыльник подарят. Пару крепдешиновых платьев обещали... Такой ещё момент — в 1947 году отпускали из-под стражи беременных и только родивших. Амнистия или не знаю что, но если по мелочи села, да брюхатая, то отпускали. А уж с этим-то делом нашёлся сердечный дружок, который вызвался помочь. Сынок начальника цеха, который её уговаривал взять всё на себя.

Не обманули, кстати. И передачи были, и одёжка. Даже из-под стражи через два месяца после суда освободили. Вот так родился мой старший брат Слава.

Хотя мать ребёнка родила, за его отца на себя вину взяла, тот на ней не женился. Дед Славки помогал деньгами и продуктами, вполне прилично помогал. А отец семью создавать не захотел. Зачем? Баб после войны избыток, надо всем внимание оказать. Да и спился скоро.

Только к середине пятидесятых мама вышла замуж. Решила, лет уже прилично сколько, потешилась и хватит, пора остепениться. Женщина она была видная, весёлая, красивая. Погулять любила, однако меру знала. Поклонники были, но сплетни ходили умеренно. Где-то познакомилась с молодым, интересным мужчиной. Да, он рабочий на заводе, зато любит её и берёт замуж с сыном. Заодно им целых две комнаты от работы дают. Пусть в коммуналке, так ведь не в бараке. Почти все живут в коммунальных квартирах. Водопровод есть, горячая вода из колонки. Только живи и радуйся. Словом, поженились, а вскоре родился я.

Отец меня любил, мать... тоже любила, конечно, но брата любила больше. Кстати, было за что. Красавец, модник. Из дому не выйдет, не начистив ботинки. Мама подшивала брюки, чтобы штанины по-особому падали на задник обуви. Музыкант. Ксилофон, ударные и гитара. Все девчонки его были. Меня к ним с записочками посылал. А я гордился. Хотя не понимал, в чём интерес с девчонками целоваться, да ещё их конфетами кормить.

Денег брату вечно не хватало, даже из моей копилки вытаскивал. Была такая глиняная кошечка, с прорезью на затылке. Так Славка умудрялся оттуда новые монеты вытрясти, а старые, дореформенные гривенники,

для звону кинуть. Я не обижался, он и меня конфетами угощал.

Потом его забрали на Северный флот. Три года надо было отслужить. Помню, как он из Североморска в отпуск приехал. Флотская форма, бескозырка с развевающимися лентами, большой синий воротник с тремя белыми полосками. Я братом гордился. Мама тоже на сына налюбоваться не могла. Когда он попросил добавить десять рублей на самолёт, чтобы дома подольше побыть, дала, хотя у нас самих было с деньгами не очень. Заняла у подружек. Моего отца она к тому времени выгнала. До сих пор не знаю, что у них не сложилось.

Больше брата не видел. Мать была на похоронах, а я нет. Какой-то корабельный трос лопнул, и по Славику попало оборвавшимся концом стального каната. Его не только поломало, ещё и с палубы выкинуло. А море на Севере холодное. Вытащили быстро, однако в госпитале он умер. Не то канат ему внутренности отбил, не то воспаление лёгких доконало. Хотя по большому счёту какая разница? Умер человек, похоронили. А мелкие подробности... Лично мне они не особо интересны. Мать с похорон приехала вся чёрная. Меня обнимает, плачет, говорит: «В армию тебя ни за что не пуцу!»

Военкомат

В то время на месте всего 2-го Спасского тупика уже построили одно высотное здание с кинотеатром. Старый бревенчатый дом разобрали, и наша семья получила двухкомнатную квартиру в девятиэтажке. Малогабаритную, правда, но тогда всякая отдельная квартира ценилась. Пусть санузел смежный и ванна

сидячая, зато балкон есть. И лифт. Пол из досок, крашенных суриком. Кухня больше восьми метров. Хорошая квартира, однако сразу после заселения у матери с бате́й разлад и пошёл.

Ближайшим соседом у нас был врач, психиатр из диспансера. Мама после похорон брата про тот случай, когда я под машиной санки потерял, вспомнила и отвела меня ко Льву Ароновичу. Тот с мамой поговорил, старую выписку из больницы прочитал, рентгеновский снимок посмотрел, потом со мной пообщался, затем опять с мамой. По результату доктор объяснил, что я хоть не сильно, но болен. Это не страшно, здоровых людей вообще нет, есть только недообследованные. Рассказал, что после попадания под автомобиль я машин боюсь, считаю их немного живыми. Что... Много чего мне про меня рассказал... В четвёртом классе тогда учился, верил взрослым и говорил, что мне было велено, другим врачам, когда пару раз меня в санаторий отправляли.

Я, в принципе, ни о чём таком не думал, пока в начале 1972 года, в семнадцать лет, не попал на медкомиссию по приписке. В школе мальчишки знали — в армию положено идти, если не был, значит, ущербный. Или умный, в институт попал, тогда оно понятно. В семнадцать лет я вымахал здоровым жлобом. Приятели ласково кликали Кабаном, Шкафом или Шифоньером. Год я отходил в секцию бокса, три года занимался самбо, за школу бегал на лыжах и кросс. Самый сладкий клиент военкомата. Бери такого, тут даже думать нечего. Ан нет! Они посмотрели карточку из поликлиники и отправили по врачам.

Стайка парней босиком, в одних трусах, ходила по кабинетам. И ведь не мёрзли. Нам мерили рост, взве-

шивали, заставляли дышать в шланг, чтобы измерить объём лёгких. У окулиста мы читали буквы в таблице для проверки остроты зрения, в альбоме разглядывали пятнышки, складывающиеся в цифры. Кто их не видел, того объявляли дальтоником. Правда, в армию таких всё равно брали.

Когда ждали очереди перед кабинетом психиатра, выясняли у только вышедших, о чём там спрашивают. Один рассказал:

— Меня спросили: «Что общего между птицей и человеком?» А я им отвечаю: «Оба какают!» Гы-гы!

Другой кивнул и авторитетно поставил диагноз:

— Стройбат. Где-нибудь за Уралом.

— С чего бы вдруг?! — возмутился рассказчик.

— Знаешь, почему в армии не играют в КВН? Весёлые по одну сторону Урала, находчивые по другую. А раз ты ещё и приколист, то будешь в стройбате лёд колоть.

Когда меня вызвали, доктор выяснять ничего не выяснял и ни о чём не спрашивал, сразу сказал, что придётся десять календарных дней отлежать в больнице. Там решат — гожусь в армию или нет. Я попытался было заикнуться, дескать, полностью здоров, но врач понимающе кивнул:

— Вот там это и подтвердят.

Прочие врачи ничего такого не нашли. В конце концов нас отпустили, только некоторым велели прийти повторно. Меня же сразу обрадовали, сказали, офицерское училище мне точно не светит, хоть я туда и не просился. Вот если хочу получить направление от военкомата на автокурсы в ДОСААФ, то зря. Зато на курсы радиотелеграфистов меня тоже не пошлют. С таким диагнозом в армии вообще делать нечего. Хотя, конечно, в больнице полежать придётся, но даже

если вдруг случайно скажут «годен», ни в одно нормальное место таких не посылают.

Подсуропила мне мама. Главное, вернуть ничего нельзя — я же с четвёртого класса с головой наблюдаю, значит, по-любому придётся проверяться в психушке.

Из диспансера ещё вызвали на консультацию. Лечащий врач у меня не изменился, хотя я опять был прописан в коммуналке. Другой, понятно. У бабушки стало плохо со здоровьем, вот она и прописала меня к себе, чтобы площадь не пропала. Дело было сложное, пришлось походить по кабинетам районных инстанций, однако увенчалось успехом. Когда бабушка умерла, я остался прописанным в её комнате. Жить там не жил, но приезжал часто.

Так вот, Лев Аронович, психиатр, ведущий меня с четвёртого класса, когда я пришёл на приём, объяснил, что миновать больницу нельзя, без неё мне просто не выдадут приписное свидетельство. Однако при правильном поведении лежать придётся всего один раз, затем получу освобождение и дальше уже буду жить спокойно. Деваться некуда, пришлось соглашаться на обследование.

В начале марта позвонили, велели в понедельник утром явиться с документами. Причём надо рассчитывать ровно на десять дней, раньше непустят, но и позже не задержат. Больница, понятно, была психушкой, самой старой из московских. «Матросская тишина». Забор к забору с тюрьмой. Возмущаться и отказываться ложиться бесполезно. Дело не в том, что в армию заберут или нет, в любом случае приедет скорая, и всё едино тебя туда отвезут.

Раз делать нечего, то и делать ничего не надо. Хорошо, что не в каникулы забирают, можно от школы

отдохнуть. С оценками у меня нормально, твёрдый хорошист. Наверное, мог бы быть отличником, но уроки делать лень. По математике и физике давно перерешал все задачи до конца десятого класса. Задачник Зубова — Шальнова отработал полностью. Перельмана читаю запоем, а вот с остальными предметами немного хуже, приходится заставлять себя делать домашку.

Причём на секцию хожу с удовольствием, а за уроки сесть сил нет. Ефремова глотаю запоем, а про Иудушку Головлева и Раскольниковца с Базаровым читать не могу. В музыкальную школу мама чуть не пинками загоняла, а в школе на праздниках играю с удовольствием. Ксилофон, который от Славки остался, мне сразу не понравился. До девятого класса с ним мучился!

Шиза

Вместе со мной на обследование явилось трое таких же допризывников. Нас переделали в больничные пижамы и распределили по палатам. Отделение диагностическое, «острых» пациентов здесь не держат. Если у кого появляются странности, тех сразу отправляют в другой корпус.

В палате шестеро. Из допризывников я один. Спрашивать про причины нахождения здесь не принято, а у некоторых даже опасно — обидятся.

Моё достояние на ближайшие десять дней — заслуженная железная койка с полосатым ватным матрасом и тумбочка на двоих. Одеяло, подушка. Постельное бельё. Изрядно застиранное, с большими чёрными блямбами больничных печатей, но чистое. Вафельное и простое полотенца.

Мужики в палате просветили про распорядок дня. Рассказали, что кормят не очень, с куревом совсем беда. В магазин не отпускают. Однако если подлизаться к медперсоналу, то могут звать на помощь в отделение этажом ниже. А там санитарки в благодарность и курева купят, за твои, понятно, и дополнительный хавчик организуют. В том отделении бабульки с ма-размом лежат, едят мало. У них и хлеба, и супа, и гарнира изрядно остаётся, можно подхарчиться.

Только застелил постель, позвали к врачу. Всех по-ступивших сегодня собрали. У одного было сотрясение мозга, случайно с лестницы упал. Вылечили, но зачем-то на учёт поставили. Другой подмигнул и зашептал, что от армии откосить хочет, институтские учебники по психиатрии читал, будет притворяться параноиком. Третий просто эпилептик. Я про себя сказал, что полностью здоров. Стукнутый зашёл в кабинет, мы сидим, болтаем. Тот, который симулянт, начал объяснять, что ему в армии делать нечего, и уж если он сюда пробился, то будет пользоваться случаем, выбивать себе нужный диагноз. Вторым вызвали меня, задали пару вопросов и отправили в палату.

В обед кормили так себе. Жидкие щи с малюсеньким кусочком мяса. Разваливающаяся котлета, тушённая в томатном соусе, с блёкло-синеватым, водянистым пюре. Видать, вместо молока мятую картошку разбавляли той же водой, в которой её варили. стакан компота из сухофруктов. Хлеб серый, который продаётся в больших буханках по четырнадцать копеек. Самый дешёвый и невкусный. Однако больные его съели весь до кусочка.

После обеда нас, свежеприбывших, вызвали в процедурную, выдали каждому порошок и заставили выпить. Не выпить нельзя, смотрят. Я принял, эпилептик

принял, стукнутый тоже принял. Запили водой и пошли по палатам. Мы не первый раз в таких заведениях, понимаем, что надо слушаться. А симулянт начал права качать. Дескать, зачем лекарствами пичкают, если ему ещё диагноз не поставили. Тупой он. Возмущаться и отказываться глупо и бесполезно. А спорить и тем более ругаться с медперсоналом просто опасно.

Я давно понял, ещё по санаториям, что проще и быстрее соглашаться. Бывали случаи. Сегодня мальчик хамит медсестре, а завтра после «уколычика» сидит такой спокойный-спокойный, только слюни изо рта текут. А если с медиками не ругаться, то они ничего такого и не прописывают. Или если даже пропишут, а ты зарекомендовал себя исполнительным больным, не особо смотрят, проглотил ты «таблеточку» или нет. Но первые разы контролируют обязательно.

Меня с порошка спать потянуло. Лёг, здесь это дело обычное. После лекарств многие кемарить укладываются. Только было задремал, тут ко мне шиза и пришла. Ну, это я так подумал, когда голос в голове спросил:

— Серый, это ты?

— Я, — соглашаюсь.

Меня приятели Серым зовут. Сергей, Серёжа, Серёга, Серый — это всё я. Но раз голос в башке появился, значит, не зря меня сюда отправили. Похоже, я действительно того... псих. А тот в голове продолжает:

— Сейчас какая дата?

— 6 марта 1972 года.

— Ты где находишься?

— Нахожусь где и должен — в психушке.

Честно говоря, я сильно расстроился. Всё же понять, что ты действительно с ума прыгнул, очень неприятно. Но голос меня успокаивать стал:

— Не бойся, ты с ума не сошёл. Я — это ты, но в будущем. Через четверть века. Год 1997-й.

— Как там у вас? Коммунизм ещё не построили?

— Погано у нас. Какой коммунизм?! Партийцы развалили Союз в 1991 году. Генсек, Политбюро и ЦК — все они и развалили. В 1993-м Верховный Совет танками расстреляли. Я его защищать пытался, еле сбежать смог, а потом понял — нас опять предали. Народ ограбили, предприятия под себя забрали. Бандиты среди бела дня по людям стреляют. Всё продаётся и покушается. Фабрики и заводы в руинах. Товары в магазинах есть любые, только денег у народа нет. Зарплаты месяцами не платят. Сейчас приспособился — устроился следить за компьютерами в банк. До того я, кандидат физмат наук, женскими труселями и лифчиками на рынке торговал. А ещё раньше вообще без работы сидел. Из института же сократили. Там хоть копейки, хоть с задержками, но платили. Потом долго никуда пристроиться не мог. Бывало, неделями хлебом с майонезом питался. Ты сейчас под таблетками?

— Заставили выпить порошок.

— Понятно. Потому и смог с тобой связаться.

Хорошо поговорили. Много чего про свою жизнь голос рассказал. Пять с половиной лет отучился в университете. Потом ещё два года аспирантура и переход в академический институт. Год ушёл на защиту диссера. И всё время до получения должности младшего научного сотрудника он жил на стипендию и копейки за полставки, пусть потом ставку, лаборанта на кафедре. Главное, после этого стал узким, никому, кроме своего научного руководителя, не нужным специалистом. Потому и после защиты получал немного. И перейти некуда. Для работы в другом месте нужно менять